

ми зависѣль, какъ мы видѣли, отъ невыясненности этическаго идеала, смѣшиваемаго съ эстетическимъ; здѣсь этотъ внутренній разладъ, правда, вначалѣ намъ не замѣтенъ, но мы ошиблись бы, если бы вздумали отъ «видимости» заключать къ *цѣльности* кн. Андрея. На самомъ же дѣлѣ, не замѣтенъ онъ намъ только потому, что кн. Андрей очень ловко, съ большимъ успѣхомъ, — очень *серьезно* носить свою маску, этимъ скрывая отъ неопытнаго глаза истинную натуру свою... Но для насъ, со всею тщательностью изучившихъ фамилныя черты и особенности героевъ гр. Толстого, не можетъ имѣть успѣха подобная система, не можетъ скрыться истинное существо кн. Андрея. Вы помните какъ предокъ кн. Андрея, знакомый уже намъ Иртеневъ Николай Ильичъ, опредѣлялъ, между прочимъ, свое «истинное *comme il faut*»; особенное значеніе отводилось въ немъ «равнодушію ко всему и постоянному выраженію нѣкоторой изящной и презрительной скуки» (4-ое условіе «*comme il faut*»)? Кн. Андрей, съ мѣста же, представленъ намъ, въ первый разъ въ романѣ гр. Толстого, входящимъ въ гостинную Анны Павловны Шереръ, такъ: «Все въ его фигурѣ, начиная отъ усталаго, скучающаго взгляда и т. д. Ему, видимо, всѣ бывшіе въ гостинной не только были знакомы, но уже надѣли такъ...» и т. д. Онъ вообразилъ, что кругъ, въ которомъ онъ вращается, нужно презирать, — и онъ, напустивъ на себя видъ презрительной эстетически-изящной скуки, продолжаетъ все таки вращаться въ немъ, такъ какъ это, какъ видно, доставляетъ ему нѣкоторое затаенное удовольствіе. Презирая эстетически лишь свое общество, онъ, однако, настоящимъ образомъ презираетъ низшихъ себя, народъ... Иртеневъ Коля, во время разлуки съ домашними, при отъѣздѣ въ Москву, съ брезгливостью взиралъ «на подходившихъ «къ ручкѣ» его домашнихъ слугъ, отъ которыхъ